

Как только ноги коснулись берега, первыми, рыдая навзрыд, бросились к князю, конечно же, три доставленные сюда под строгим конвоем главные служанки, лица их были бледнее снега, заплаканные, словно дождём омытые цветы груши[1].

Подвергшись их объятиям и горьким слезам, Фэн Мин почувствовал, как недавняя строгость немедля почти исчезла[2], после чего он с неловкостью прокричал:

— То, что казалось опасным, на самом деле не являлось таковым. Опасность — это, ведь, не вечная разлука[3]...

На самом деле ещё чуть-чуть, и князь навечно разлучился бы со всеми — если бы корабли Хэ Ди странным образом не прекратили атаковать.

Не дав трём сёстрам как следует успокоиться, неожиданно появившиеся два силуэта-башни громко позвали:

— Князь Мин! Князь Мин! Вы в порядке? С Вами действительно ничего страшного не приключилось?

— Ай-ай! Лучше, чтобы ничего плохого не произошло, если с Вами что-нибудь случится, то старший брат сдерёт с меня кожу и клочка не оставив!

— Нет, это с меня он шкуру сдерёт!

— А почему это с тебя?! С меня!

Три главные служанки, ещё не пропитанные насквозь своими нежными слезами, не только не успокоились, наоборот, стоило этим двум не сведущим в чувствах большим мерзавцам помешать, как Цю Син, смахнув с глаз влагу, подбоченилась и громко защебетала:

— Ле Чжунши! Ле Доу! Я сама с вас обоих шкуры спущу!

— За что?

На что Ле Чжунши крайне серьёзно спросил:

— С князем Мином ничего не случилось, даже пальца ни одного порезанного, так за что с нас-то шкуру спускать?

Цю Юэ по-прежнему утирала слёзы, на удивление никак не отреагировав на ссору между ними, более того, увидев, что князь жив и невредим, девушка помимо воли посмотрела на того,

кто находился позади Его Светлости.

Однако Цю Лань из-за вздорной болтовни Ле Чжунши разгневалась и пальчиком безжалостно ткнула этого тупоголового[4] в каменное плечо:

— Тебе не стоит проклинать князя Мина. Ещё раз начнёшь болтать ерунду, я тогда государю, нет, министру пожелаю, чтобы он как следует тебя наказал!

— Не надо-не надо! Не нужно просить старшего брата наказать меня! — по-прежнему безрезультатно запротестовал Ле Чжунши, однако Ле Доу, уже отпустив Фэн Мина, подпрыгнул на три чжана в высоту и гневно спросил у Цю Лань: — Зачем обижаешь нашего молодого господина?

В этот момент на берегу появился командующий бандой головорезов Сяо Цзуна — Ло Нин, который с недовольным лицом холодно проговорил:

— Молодой господин в безопасности, подчинённый может уже не волноваться.

— Управляющий Ло, я...

— Князь Мин! — вдруг донёсся спереди до боли знакомый голос.

Подняв голову, Его Светлость увидел быстро приближающегося царствующего дядюшку Тун Цин Чжана, окружённого толпой охранников. Сам же дядюшка сел в то же судно, что остальные приближённые рода Сяо, и оно прибило к берегу раньше, чем лодка Его Светлости.

Сделав спешные шаги навстречу, Фэн Мин поприветствовал мужчину, являющегося сейчас его самым важным покровителем:

— Шу-вану не стоит волноваться!

— Ничего-ничего.

Как бы там ни было, однако лицо Цин Чжана в сравнении с бумагой выглядело ещё блее. На гладком, мясистом лице была заметна дрожь, которая всё никак не могла пройти, самого же мужчину сопровождало множество императорских охранников, даже Чжуан Пу, этот придворный генерал, казалось, тоже стал для испуганного царствующего дядюшки нечто вроде «успокоительного», которое должно было в нужный момент подействовать.

Сам же Чжуан Пу выглядел смущённо и, сложив руки в знак почтения, обратился к Фэн Мину:

— Совесть. Этот генерал ведёт сухопутные войска охранников и не может своевременно обнаружить засаду, устроенную впереди на реке Оман. Лишь увидев, что караван судов подвергся нападению, а расстояние слишком большое и стрелы не могли достигнуть цели, этот генерал, вопреки ожиданиям, только и мог бесстрастно наблюдать, как джонка князя Мина попадает в осаду. Чжуан Пу — горе-генерал, прошу князя Мина простить меня. — И мужчина низко склонился, словно проводя торжественную церемонию.

— Нет-нет! — Его Светлость схватил мужчину, прекращая поклоны, и искренне добавил: — Генерал приложил все силы, я, пребывая на реке Оман, ясно видел, как вы приказали своим людям безудержно обстреливать неприятеля. Фэн Мин не является жителем Тун, однако, получив подобную защиту от вас, в душе премного благодарен.

Этот диалог ещё более сблизил Чжуан Пу и молодого господина рода Сяо.

И впрямь, в попытке спасти Его Светлость Чжуан Пу лишь жалел об отсутствии судна, чтобы можно было напрямую дать встречный бой противнику, поскольку стрелы не достигали цели, однако чего мужчина совсем не ожидал, так это того, что Его Светлость проявит благоразумность, отчего невольно в душе зародились уважение и чувство ещё большего дружелюбия, словно он встретил закадычного друга.

Мужчина посмотрел на поверхность реки, где огромная и прекрасная головная джонка рода Сяо уже скрылась под водой, оставив только верхушку мачты, к счастью, в этом месте река хоть и была широкой, но совершенно не глубокой, и затонувшие корабли ещё можно было с помощью людей вытянуть на берег, потому Чжуан Пу, словно Мао Суй[5], обратился к Фэн Мину:

— Этот генерал, как главный генерал страны Тун, имеет право переместить морское войско из Ханьжо. Головная джонка князя Мина утонула, к несчастью, потому не лучше ли позволить этому генералу отправить приказ в Ханьжо, чтобы войско вместе с подчинёнными князя Мина помогло вытащить на берег джонку, используя канатный ворот[6]. Если на дно реки Оман попадёт какая-нибудь ценная вещица, то также прикажу вытащить её.

Услышав это, Фэн Мин внезапно вспомнил, что на борту головной джонки Ло Дэн часто хвалился, доставая разные безделушки, хранящиеся в трюме-сокровищнице семьи Сяо. Если вещица упала, то упала, вот только ужасную головную боль доставляло то, что неизвестно, сколько драгоценностей Сяо Цзун приказал погрузить на корабль, но из-за этого даньлинского дурака Хэ Ди дно такой роскошной джонки испортилось, а если все драгоценности потерялись, то непонятно, как отреагирует папаша.

Самое опасное — он без предупреждения вновь вонзит меч и разрубит своего непочтительного сына одним ударом надвое[7].

Фэн Мина охватила холодная дрожь, и он, немедля с жаром выразив благодарность Чжуан Пу, кивнул:

— Так будет намного лучше, мне тоже, как и Вам, жаль головную джонку, да ещё на борту есть вещи...

К счастью, Жун Ху вовремя сообразил, и три шумливые служанки вместе с двумя весельчаками подошли к Его Светлости, который, сказав половину фразы и увидев Жун Ху, почувствовал, как слова почти встали поперёк горла.

Плохо дело! Ящик с «законсервированной» головой императора Тун Цин Дина ведь всё ещё находится на борту головной джонки! И если по чистой случайности народ Тун от людей Чжуан Пу прознает, то генерал, имея право перенаправить войско, тотчас же уничтожит этого обиженного судьбой князя Мина[8].

Холодный пот потёк ниже, однако Его Светлость всё же вернул себе голос и, глупо хихикая, начал сочинять:

— Так... Так... Всё же генералу Чжуан Пу не стоит беспокоиться... Мы сами вытащим, хо-хо, лучше уж сами...

На что Чжуан Пу изумился. Однако, раз человек отказывается от помощи, мужчина тоже не стал настаивать и, вольно растягивая губы в улыбке, сказал:

— Ничего страшного. Но если князю Мину потребуется какая-нибудь помощь, только скажите, договорились?

— Хорошо... — небрежно бросив в ответ, Фэн Мин немедля схватил Жун Ху, словно тот был главной нечестью, и увлёк подальше: — Жун Ху, куда ты дел голову? Она что, и впрямь на борту головной джонки? О, Небеса, а если выплывет и её найдут, тогда мне «крышка», разве нет? Тунцзэ всё же их столица, и кто знает, может, убьют даже шальной палкой, окружив...

Жун Ху со смехом ответил:

— Князю Мину не стоит слишком беспокоиться. Короб заперт в трюме на корабле и ни в коем случае не уплывёт. Ваш подчинённый немедля направит искусного ныряльщика, дабы тот разобрался с этим делом.

Перейдя от печали к радости, Фэн Мин похлопал телохранителя по плечам, хваля:

— Я сразу понял, что Жун Ху крайне надёжно ведёт дела, эй, тогда не стоит винить Цю Лань, которая восхищается тобой. — И, не дожидаясь, пока отреагирует телохранитель Силэй, князь скорчил рожицу, после чего помчался искать Цю Лань и остальных слуг.

Побережье реки Оман ещё никогда не было столь оживлённым, как в эту ночь.

Шум и полная неразбериха[9] стояли всю ночь. Кто-то отдыхал, кто-то приводил вещи в порядок, достаточно многим требовалось перевязать раны, а Ло Дэн с Ло Нином, разумеется, отправились подсчитывать людей, тщательно разделяя на убитых, раненых и смертельно раненых. Все, даже люди Цин Чжана долго шумели близ берега.

Когда небо чуть-чуть просветлело, люди обратили взгляды на журчащую воду реки Оман, которая сейчас утопала в утреннем тумане. Брёвна, что ещё недавно служили ловушкой, и то барахло, оставшееся после сражения, уже давно уплыли вниз по течению; от кровавой войны, произошедшей ночью на благосклонной реке Оман, не осталось и следа, словно ничего не было вовсе.

Люди смотрели на зарождение нового дня, словно это являлось сном наяву.

— Князь Мин, — в лучах восходящего солнца Чжуан Пу, переговорив с Цин Чжаном, подошёл и решил узнать мнение Его Светлости: — Ханьжо расположен отсюда неподалёку. Лучше оставить часть слуг здесь стеречь судно и заодно выловить затонувшие ценности, а часть отправить пешим ходом в Ханьжо, если сейчас выдвинемся в путь, то, вероятно, к позднему вечеру сможем добраться до города, по крайней мере, таким образом решим проблему с пропитанием и ночлегом.

Жун Ху как раз в этот момент отошёл, и князь, обернувшись и не найдя своего телохранителя, сразу отправился искать внимание Ло Юнь. Однако второй телохранитель вёл себя не как обычно — даже не одаривал взглядом, мол, мне не хочется на тебя смотреть — но хоть на лице и было безразличие, парень всё же честь по чести сложил руки в знак просьбы, отвечая:

— Прошу молодого господина приказывать.

Три служанки, находящиеся рядом и ухаживающие за Его Светлостью, увидев, что Ло Юнь такой послушный, пристально уставились на парня, словно перед ними призрак.

Да и сам Фэн Мин немного удивился и, взъерошив волосы чесанием в затылке, проронил:

— А-а, тогда... Ло Юнь, выбери нескольких людей, чтобы оставить здесь, кстати, руководство также на тебе, будете нести ответственность за сохранность джонок, остальные же отправятся первыми с Чжуан Пу пешком.

— Молодой господин, — строго внёс «коррективы» Ло Юнь, — подчинённый получил приказ лично сопровождать молодого господина и ни на шаг не покидать его.

Фэн Мин, смолчав на подобное заявление, кивнул со словами:

— Тогда ладно, отбери людей для охраны, после выбери того, кто будет ответственен за них, а сам последуешь за мной.

Получив указания, все разошлись подготавливаться.

Ло Юнь, разумеется, выполнял приказ — отбирал людей, а когда всё было сделано, парень уже подумывал идти искать Его Светлость, дабы доложить о проделанной работе, но, резко обернувшись, увидел приближающийся и взявшийся из ниоткуда силуэт, укрытый тенью; поскольку Ло Юнь с детства развивал в себе инстинкт реагирования, то, пока не ясна обстановка, молодой человек в первую очередь рефлекторно выхватывал меч, готовый вот-вот перерезать противнику горло.

Сталь коснулась чего-то невесомого без какой-либо силы. Меч горизонтально скользнул, оставляя после себя еле слышный треск словно рвущейся ткани.

Крайне изумившись, Ло Юнь набрался духу и посмотрел на остриё, где действительно болталась одежда, к тому же искусно сшитая и, к сожалению, теперь испорченная, в воздухе повисло невыносимое напряжение, нарастающее с каждой секундой, а на дыру, что сейчас красовалась на наряде, глядеть было очень досадно. Чувства обиды и злости, взявшись из ниоткуда, вырвались на поверхность, пробудив в парне настороженность. Подняв голову, Ло Юнь встретился взглядом с парой словно пылающих огнём глаз-звёздочек.

Цю Юэ пристально уставилась на равнодушного Ло Юня, жар, охвативший внутренности, поднялся до лба, и, не заботясь, что меч в руках парня оказался крайне безжалостным и мог одним движением рассечь хрупкое тело, девушка неожиданно дерзко подскочила, сорвала висевшее на острие меча только недавно заштопанное платье, после чего бросила на землю и, беспорядочно втапывая его в пыль, с ненавистью проговорила:

— Действительно, я плохая мастерица, порвалось и порвалось, нечего было из добрых побуждений идти и штопать твоё платье.

Ло Юнь на какое-то время обомлел, спокойно наблюдая, как очень хорошо сшитая одежда превращается в безобразное месиво благодаря матерчатым туфелькам Цю Юэ, но вскоре, не выдержав, крепко схватил девушку:

— Зачем портишь такую вещь?

Заметив его как всегда холодное и недовольное лицо, служанка ещё сильнее разозлилась и, резко приблизившись, бросила ему:

— Я испортила, я и сошью, чего вмешиваешься? Ты что, смеешь совать свой нос в мои дела?

Ножки с силой опускались, топча вещь, на которую без слёз смотреть уже нельзя было, словно другого способа выпустить обиду, до этого таившуюся в душе, больше не существовало.

Оттолкнуть девушку, так же как и уйти прочь, оставив её одну, Ло Юнь не мог, он лишь

печально смотрел, как служанка портит, срывая зло, собственноручно зашитую одежду. Прервать молчание юноша смог спустя долгое время, неожиданно спокойным тоном спрашивая:

— Ты его для меня починила?

Изначально безжалостно «копашащаяся», словно курочка, Цю Юэ резко замерла и, в оцепенении подняв голову, снова уставилась на Ло Юня. Но какой смысл вглядываться в эмоции этого человека, ведь всё равно понять невозможно?!

Глядя в её круглые и светлые глаза, обрамлённые длинными и густыми ресницами, что сейчас непонятно из-за чего были влажными, Ло Юнь находил образ девушки простым и вместе с тем необычайно волнующим. Однако после, нахмутив брови, парень спросил:

— Ты плакала?

От прозвучавшего вопроса Цю Юэ неожиданно пришла в себя и, словно кошка, которой кто-то наступил на хвост, почти все волосы вздыбила, и, охваченная смущением вперешку со злостью, топнула ногой, возвращая:

— Плакала... Даже если плакала, тебя это не касается! — прикрыв ладонями лицо, служанка неожиданно развернулась и убежала прочь.

Ло Юнь, будучи всегда холодным, как лёд и иней[10], хорошо обученный человек рода Сяо, неожиданно обомлел от поведения служанки и, простояв долгое время ошеломлённым, нагнулся подобрать валяющуюся на земле очень грязную тряпку, некогда бывшую одеждой. И как раз в этот момент парень снова впал в оцепенение, поскольку кто-то слегка похлопал по его плечу. Обернувшись, он увидел стоящего рядом Жун Ху, который с изумлением спросил:

— Я тебя дважды позвал, но ты никак не среагировал. Что-то случилось? Ло Юнь, сейчас, когда мы находимся в землях Тун, произошедшее ночью неизвестно когда может вновь повториться, потому мы должны защищать князя Мина, давать слабину никак нельзя. Лучше смотри в оба, иначе противник, подкравшись сзади, выпустит тайком стрелу[11], и не поймёшь, в чём дело. А? Это же твоё платье, а почему такое грязное?

Не подав виду, Ло Юнь взял одежду и сунул за пазуху:

— Моя, нечаянно выронил на землю, вот и запачкалась. Пойдём, приглядим за молодым господином.

Сам же князь уже собирался завершить подготовку, поскольку всё также боялся, что Ле Чжунши вместе с Ле Доу, которые нет-нет, но стояли на страже, могли перед всеми людьми, в том числе Цин Чжаном, проболтаться насчёт головы императора Цин Дина, потому

единодушно было решено оставить этих двоих шутников на берегу реки Оман, мешая мастерам меча, которых изначально отобрал Ло Юнь, нести ответственность за сохранность джонок.

Конечно же Ле Чжунши и Ле Доу протестовали, но их потуги не увенчались успехом, так как изначально они получили приказ Ле Чжунлю — следовать указаниям князя Мина, который уже сказал своё слово, а значит, им ничего другого не оставалось, как обижаясь на всех и вся, задержаться вместе с людьми Сяо Цзуна. Прелестная Сяоцю, само собой разумеется, тоже осталась.

Вот только Сяоцю понравился берег, она была очень довольной, распушив хвост, прыгала по каменным плечам Ле Чжунши, бегая туда-сюда. Неизвестно, сколько мыслей изловить и увезти с собой зверька приходило в голову Цю Юэ, досадно, что сама Сяоцю была непоколебимо предана хозяину и не соглашалась никуда уезжать.

В итоге солдаты Силэй, Тун и люди Сяо Цзуна после ожесточённого боя, произошедшего ночью на реке Оман, вновь продолжили намеченный путь.

И действительно, как говорил Чжуан Пу, ближе к вечеру они прибыли к городским воротам Ханьжо. Свита показала печать царствующего дядюшки Тун, и несшие караул на городской стене стражники Ханьжо немедля скомандовали толпе подчинённых спешно бежать к воротам, отворить их и торжественно встретить Шу-вана. Новость о том, что в Ханьжо приезжают уважаемые господа, на самом деле уже давно достигла ушей городских чиновников и стражей, поэтому самая лучшая еда и питьё, а также лучшие комнаты в гостинице были подготовлены с заранее проявленной заботой, можно сказать, безупречно во всех отношениях.

Единственное, что не мог предвидеть никто — царствующий дядюшка Цин Чжан и князь Мин из Силэй прибыли вовсе не на роскошных джонках, где могли бы расположиться в комфорте, а пешком, словно спасаясь бегством.

В ту же ночь измождённые путники лишь немного вкусили яств, так заботливо приготовленных чиновниками, на попечении которых оставался ночной город, и крайне скоро разбрелись по своим комнатам, чтобы как следует отдохнуть.

Что касается безопасности Его Светлости, то вечно придерживающиеся правила «быть на стороже» Жун Ху с Ло Юнем тщательно проверили временное «пристанище» молодого господина, к тому же повсюду разместили хорошо обученных солдат Силэй и людей Сяо Цзуна.

Будучи на банкете, в знак благодарности и взаимности Фэн Мин вынужденно выпил «пару» чашечек вина, и, когда уже шаг стал более шатким, Цю Лань завертелась сзади, стараясь оказать хоть какую-то помощь, при этом слегка укоряя:

— Князь Мин совершенно не дорожит своим телом, знаете же, что при утомлении не следует так напиваться. И неважно, кто из крупных чиновников Тун чувствует Вас вином...

— Князь Мин вернулся! — Оставленные в покоях, дабы подготовить кровать Его Светлости, близняшки, увидев издали силуэт князя, немедля выскочили навстречу взволнованные, словно колышущиеся облака, и, поддерживая пьяное тело, повели в боковую комнатку, щебеча по дороге: — Почему так поздно явились? Да ещё и пьяный? Разве сегодня ночью можно пить?

На что Фэн Мин удивлённо переспросил:

— А почему нельзя?

Близняшки загадочно улыбнулись и неожиданно единодушно проронили:

— Не скажем.

Фэн Мин и ничего не подозревающая Цю Лань кратко обменялись взглядами, Цю Син, в свою очередь, звонко хохотнув, по-прежнему разжигала любопытство:

— Одни мы с Жун Ху знаем, вот только...

— Только Жун Ху не скажет, хи-хи, — подхватила и закончила фразу Цю Юэ.

Пока Фэн Мин «нащупывал свой незаметный ум», девушки толкнули его в комнату. Цю Юэ попутно злобно вновь уставилась на стоящего у входа Ло Юня, которому выпала очередь охранять Его Пьяную Светлость, и холодно предупредила:

— Сегодня ночью князь Мин должен хорошенько отдохнуть, так что тебе нельзя входить и тревожить его покой.

Открылась наружная дверь, впуская в комнату, где сидящий на стуле Жун Ху немедля поднялся с места и обратился к Фэн Мину, загадочно улыбаясь:

— Князь Мин наконец-то вернулся, горячая вода уже готова, прошу князя Мина идти мыться.
— И махнул рукой, приглашая Его Светлость пройти во внутренние покои.

Пройдя в указанном направлении, служанки распахнули дверь в помещение, и, действительно, огромная бочка для купания, которой могла пользоваться только знать, возникла перед глазами. Влажный пар заполнил собою комнату, в бочке явно уже была набрана горячая вода.

Эти две малявки, Цю Юэ и Цю Син, и впрямь преуспевали в заботе о своём господине[12].

Выражение глупости по-прежнему украшало лицо Фэн Мина, а идущие позади близняшки, хихикая, явно подталкивали вперёд, после чего поклонились, пригнув колени, и,

поприветствовав, добавили:

— Ваши служанки уже покидают комнату.

На что Цю Лань лишь проронила:

— Эй, мы ещё должны помочь князю Мину помыть... — слова не успели до конца сорваться с губ, как близняшки зажали ей ладошками рот — одна с правой стороны, а другая с левой — попутно закрывая дверь в комнату.

Примечание:

[1] 梨花带雨 (líhuā dài yǔ) — лихуа дай юй — подобное описание олицетворяет слезы красивой женщины, которая напоминает цветы груши, что окрасились весенним дождем.

[2] В оригинале используется фраза «без крыльев, а улетело», обр. в знач.: запропасться, потеряться, исчезнуть.

[3] Фэн Мин имеет в виду смерть.

[4] 呆头呆脑 (dāitóu dāinǎo) — дайтоу дайнао — переводится как «тупая голова, глупые мозги», обр. в знач.: набитый дурак, дурак дураком.

[5] Согласно легенде, Мао Суй напросился сопровождать своего хозяина-посла в царство Чу, где выдвинулся на дипломатическую работу и оказал услугу своему княжеству. В дальнейшем имя Мао Суй стало нарицательным, означающим самому рекомендовать себя и выдвинуться, предложить свои услуги.

[6] Генерал имеет в виду брашпиль — механизм для подъема якоря, его ещё называют кабестанная или шпилевая лебёдка.

[7] Обр. в знач.: решительно порвать отношения; раз и навсегда покончить с делом.

[8] В оригинале Фэн Мин называет себя 倒霉蛋 (dǎoméidàn) — даомэйдань — неудачником, однако если разбирать по иероглифно, то можно перевести как «несчастное яйцо». А также иероглиф 蛋 дань — яйцо — является родовой морфемой бранных слов.

[9] В оригинале используется фраза «люди — навзничь, кони — кувырком», обр. в знач.: полная неразбериха, хаос; в крайнем смятении; полный разгром.

[10] Обр. в знач.: быть бесчувственным, равнодушным.

[11] Перен. удар в спину.

[12] В оригинале звучит 侯 (hòu) — хоу жэнь — что значит чиновник, встречающий и провожающий гостей, типа мажордом. Но поскольку есть ещё и похожий иероглиф 侯 (hóu), который тоже звучит хоу и означает наследственный титул знати второго из пяти высших классов господ, мы решили, что «господин» звучит более уместно в данном контексте.

<http://bllate.org/book/13377/1190241>